

**ДОН НИГРО**

ПЕРЕУЛОК

Р03

# Дон Нигро

# Переулок Роз

## Серия «Пендрагон-Армитейдж»

*Текст предоставлен правообладателем*  
*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=53788133](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=53788133)*

### **Аннотация**

Входит в сагу «Пендрагон-Армитейдж». Монолог Бена Палестрины, одного из основных героев Саги, персонажа многих пьес, включая «Морской пейзаж с акулами» и «Ведьмина пустошь». После очередной эмоциональной катастрофы – расстроившейся женитьбы, Бен прилетает в Лондон. Город, театры, мысли о жизни и смерти, встреча с призраком Шекспира, реальная или воображаемая. Бен успевает осмыслить многое. А впереди новые пьесы, новые встречи. Жизнь продолжается. Полноценный моноспектакль.

# Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

12

# Дон Нигро

## Переулоч Роз<sup>1</sup>

*«Зритель без пьесы – чушь».*

*Нищие «Рождение трагедии»*

Входит в сагу «Пендрагон-Армитейдж». Монолог Бена Палестрины, одного из основных героев Саги, персонажа многих пьес, включая «Морской пейзаж с акулами» и «Ведьмина пустошь». После очередной эмоциональной катастрофы – расстроившейся женитьбы, Бен прилетает в Лондон. Город, театры, мысли о жизни и смерти, встреча с призраком Шекспира, реальная или воображаемая. Бен успевает осмыслить многое. А впереди новые пьесы, новые встречи. Жизнь продолжается. Полноценный моноспектакль.

*(БЕН, ему под пятьдесят, обращается к зрительному залу).*

БЕН. В Гатвике мы приземлились утром, около шести, спустившись сквозь хаос в свет и мокрые бурые леса и поля, как на картинах Констебла. В Лондон я поехал на поезде, мимо множества миниатюрных дворов, как ухоженных, так и заросших высокими сорняками, над которыми торчали ржавеющие автомобили. Получил чемодан на вокзале Виктории, что в начале Букингем-Палас-роуд, напротив Бердкейдж-Уок. Остановился, чтобы посидеть на скамье в парке

Сент-Джеймс и полюбоваться птицами на больших камнях посреди озера: застывших, словно высеченных из камня, пеликанах. Так мне поначалу показалось. И потом, долгими, тихими июньскими ночами мы сидели там и смотрели на луну.

Прошел через Сохо, мимо безумных, вырезанных морд плотоядных карусельных лошадей и стариков, распростершихся на тротуарах, словно трупы, и накрывшихся черными мешками для мусора, из-под которых в лучшем случае торчали только обутые в кроссовки ноги. Призрачный город. Все большие города – грубые наброски руин.

Без пяти девять уже сидел в лобби отеля, номер мне еще не приготовили, в окружении огромной семьи экзотического вида людей, которые непрерывно болтали друг с дружкой, мелодично тараторя на неведомом мне языке. Если это были разговоры ни о чем, они умели их вести. А я думал: «Что я здесь делаю? Эти люди, похоже, знают, что делают. Они, вероятно, дядья, братья, кузены. У них общее прошлое, радости и печали, ссоры и совокупления. А у меня только этот чемодан. Места, откуда я приехал, уже нет. Место, куда я вроде бы направлялся, больше не существует. История, которую я полагал своей жизнью, безжалостно стерта. И теперь я сижу здесь, среди пеликанов, и слушаю тарабарщину».

Я подумал о девушке в самолете, ее прекрасных руках и ногах, постоянно распускающей и вновь собирающей в пучок длинные, белокурые волосы, американской девушке с

боттичелливскими чертами лица, которая спала в кресле рядом со мной. Когда мы выходили из поезда, я помог ей вытащить чемоданы. О загорелых ногах, сверкнувших, когда ее голову проглотило такси. Раньше головы предателей выставляли на мосту. Я обратил внимание на пустое место, предназначенное для моей.

Рассел-сквер утром. Привалившись к одной из мощных, древних колонн Британского музея, среди очаровательно милого многоязыкого детского галдежа, Йейтс стоял здесь сто лет тому назад, с Флоренс Фарр и Бернардом Шоу, ожидая, когда закончится дождь, болтая о призраках. Думаю, они оба с ней спали. Сначала один, потом другой. И не только с ней. Британия – остров на северо-западе Европы, окруженный призраками умерших любовников.

Когда двери открываются, я направляюсь в старый, с куполом, читальный зал, в поисках Макгрегора Мазерса или очаровательной дочери Карла Маркса, которая отравилась из-за любви к негодяю, и вижу, что грызуны полностью очистили его от книг. Зато какое-то решительно настроенное, мрачное существо в засаленной униформе, рыщет в тенях, как крокодил в водах Ганга.

Смотреть здесь не на что, говорит он мне, и не так, чтобы дружелюбно. Его тон указывает, что я – еще один из, похоже, бесконечной череды заплутавших и тупоумных незваных гостей. На одном глазу у него повязка, как у Долговязого Джона Сильвера. Я убежден, что он – один из тех, кто сгрыз

книги.

Не на что смотреть, повторяю я его слова. Но на что я хочу посмотреть?

Откуда мне знать, вопрошает Долговязый Джон.

Вот именно, говорю я ему. – Вот именно.

В конце длинной ренессансской галереи волшебное зеркало доктора Ди, алхимика королевы Елизаветы. Если достаточно пристально всмотреться в него, можно увидеть затылок Бога, в глубине плохо освещенного коридора под дождем.

В комнате, полной часов, я думаю о доме моей бабушки-итальянки, где ночь становилась погружением в море тиков и таков, и все часы показывали разное время, потому что мой дедушка уже умер и не мог должным образом их заводить.

Я обнаруживаю себя идущим вдоль длинного ряда огромных, нависающих надо мной, невероятно древних каменных изображений мертвых богов. Времени в этом темном месте нет. Человек может лежать здесь с перерезанным горлом, и его найдут через многие века, свернувшегося в углу, даже не его самого, а только сухие белые кости, обглоданные дочиста крысами.

Глубоко под этим городом лежат в земле древние римляне. Цивилизация здесь построена на гниющей плоти умерших итальянцев: «Замок Джека Соломинки», «Винный дом Матушки Банч», «Таверна Кока», «Пирог и пудинги Ма-

готти». Юго-восток Англии каждую сотню лет опускается на двенадцать дюймов. Спросите у жителей города Винчелси-Драунд, давно погрузившегося в Канал. Я думаю о русалках, груди и волосы которых колышутся под водой. Задаюсь вопросом, а не приехать ли мне в это место умирать?

Во второй половине дня пешком прошелся до Национального театра и на сцене «Оливье» посмотрел «Врага народа» с Маккелланом, который играл потрясающе. Ни одного лишнего жеста, ничего спорного или лишнего значения, но при этом все совершенно естественное. Жизнь гораздо неряшливее, да и искусство тоже. Потом взял экскурсию по закулисы, с удовольствием изобразил невежественного американца, и роль эта для меня оказалась куда более естественной, чем я предполагал. Уже в глубинах театра возникло ощущение, что весь Лондон такой же: замысловатый лабиринт взаимосвязанных сценических площадок и сложнейших скрытых механизмов, его жители – расплывающиеся фигуры в «волшебном фонаре». И лучшие из них не более, чем тени.

Потом, уже вечером, «Лондонские роконосцы»<sup>2</sup> в «Литлтоне». Вновь я сидел на первом ряду, спектаклю предшествовало что-то вроде парада грудастых шлюх, и самой красивой, с алыми губами, белыми тенями, румянами во всю

---

<sup>2</sup> «Лондонские роконосцы/The London Cuckolds» – пьеса Эдуарда Рейвенскрофта, написанная в 1681 г. и адаптированная тремя столетиями позже Терри Джонсоном. В «Литлтоне» (входит в состав Королевского национального театра) поставлена в 1998 г.

щеку, мушкой и глубоким декольте, аж до сосков, каким-то образом удалось оторвать мои глаза от ее груди, а потом, сопроводив свои слова похотливым жестом, она осведомилась, не желаю ли я отведать ее апельсинчика. Я кивнул: да, с удовольствием. Что ж, я не ел целый день, да и какой мужчина в здравом уме откажется от апельсинчика шлюхи. Она подошла к краю сцены, жестом предложила мне подняться и подойти к ней, опустилась на четвереньки – увы, боюсь, раньше она проделывала это не раз, – зажала дольку апельсина в зубах и скормила ее мне, закончив все поцелуем, настоящим. Ее губы соприкоснулись с моими. Вкус и запах ее помады смешались с апельсином. Сок побежал по моему подбородку. Мой дебют в английском театре прошел успешно. Наутро, в ресторане отеля, я вытер рот, и ее помада оставила чуть заметный алый след на белоснежной салфетке.

Мне потребовалась эта салфетка. Английский завтрак показался мне сальным, непотребного вида месивом. Я не знаю, действительно ли едят англичане это на завтрак, но, скорее всего, нет, иначе они все уже умерли бы. На лице официанта, похоже, отразилось разочарование, когда я сказал ему, что ограничусь мясной нарезкой, сыром и фруктами со «шведского стола».

«Без английского зафтрака?» – воскликнул он, словно для него это был вопрос национальной чести, хотя акцент говорил о том, что его родина находится не так и далеко от Узбекистана. Но парнем он был хорошим, и я не стал делиться с

ним своими подозрениями, что «англицкий зафтрак», который я таки съел вчера, скорее всего, еще в 1954 г. выблевала такса Уинстона Черчилля.

Брожу по лабиринту улиц, среди вавилонского многообразия языков. Вестминстерское аббатство под дождем. Здания Парламента, как гробницы мертвых богов. В этом городе я – чужак. Томная блондинка в галерее «Тейт», невероятно красивая, словно сошедшая с одной из картин пре-рафаэлитов. Ей поднаскучили полные благоговения взгляды мужчин? Офелия, принимающая своих поклонников на собственных похоронах. Это жемчужины, которые были ее глазами.

Меня никогда не привлекали мегаполисы. Американские мегаполисы, в которых я бывал более молодым, были, по большей части, грязные, уродливые, шумные, полные жестокости и насилия. Мюнхен я находил прекрасным, но на самом деле меня заботила женщина, с которой я приезжал туда. Немалую часть Лондона, как и Мюнхен, разбомбили во время войны, но слои времени и пыли, кирпичей и призраков в мегаполисе образуют некое подобие палимпсеста, большая часть которого теряется из-за того, что сквозь него проглядывают недостаточно хорошо стертые прежние слои. Мегаполис – это осадок человеческого желания, смычка боли и глупости со временем, страстью и смертью. И ни один мегаполис не является просто мегаполисом. Каждый – это множество мегаполисов, наложенных один на другой. Есть

мегаполис, который мы представляем себе, мегаполис надежды. Есть тот, которого мы боимся, и тот, из которого нам не выбраться, и тот, который помним. Если мегаполисы на небесах и в аду, и, вероятно, это один и тот же город. Все мегаполисы – кладбища. В Лондоне, как в Мюнхене, Дрездене или Хиросиме, мы строим на все новых слоях смерти. Сама земля сделана из смерти. Все мегаполисы нереальные.

Лабиринт маркируется тропой, которую мы выбираем, чтобы добраться до сада в его центре. Но фишка в том, что никакого центра и нет. По мере того, как ты продвигаешься вперед, волшебный сад, как и возлюбленная, всегда удаляется.

Я поднимаю голову и вижу, что стою перед домом Диккенса. Понятия не имею, как сюда попал, но с того момента, как переступаю порог, ощущаю, что-то не так, присутствие какой-то непонятной угрозы. Иду по тесным комнатам, мимо частичек себя, оставленных великим человеком – уродливая мебель, вещи под стеклом, вроде дохлого кальмара, – и чувство неловкости нарастает. Лестницы, навевающие меланхолию. Безвкусный винный погреб. Из угла подвала вид на жалкий дворик, неухоженный, всеми забытый. Труп, который ты посадил годом раньше в своем саду. Я думаю о мистическом саде алхимиков, об огороженном саде детства Элиота. Вороны<sup>3</sup>

---

<sup>3</sup> Ударение на первом слоге.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.